

УДК 908 (470-25)

**«ГОРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» 1785 г. И БЛАГОУСТРОЙСТВО МОСКВЫ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА О МЕЛЬНИЦЕ НА РЕЧКЕ СИНИЧКЕ)**

© 2015 г.

А.С. Сироткин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

sirotkin-aleksan@mail.ru

Поступила в редакцию 14.08.2015

Показывается, как на практике применялось «Городовое Положение» 1785 г. при решении проблем благоустройства Москвы в последней четверти XVIII в. Материалом для исследования послужило дело о постройке мельницы на речке Синичке в районе Лефортово. На основе архивных документов восстановлен путь прохождения дела по учреждениям и его итоги. Анализируется применение статей «Городового Положения» участниками процесса вынесения решений. По материалам дела характеризуются действия учреждений и должностных лиц.

Ключевые слова: «Городовое Положение», городское благоустройство, Шестигласная дума, Правительствующий сенат, водоснабжение, главнокомандующий А.А. Прозоровский, Лефортово, речка Синичка.

21 апреля 1785 г. Екатерина II подписала «Жалованную грамоту на права и выгоды городам Российской империи»¹ (первое «Городовое Положение»²). Постоянно действующим органом городского самоуправления становилась Шестигласная дума, в которой должны были заседать шесть гласных, представляющих разные социальные группы городского населения (реально заседали преимущественно купцы и мещане). Наиболее важные и сложные вопросы, вызывавшие затруднения у Шестигласной думы, необходимо было выносить на рассмотрение Общей думы. Функции Городской думы по благоустройству разъяснились в 6-м пункте 167-й статьи «Жалованной грамоты»: ей надлежало «наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей, для стечения народа по торгу, пристаней анбаров, магазейнов и тому подобнаго, что может быть для города потребно, выгодно и полезно» [1, с. 383].

Для проведения исследования были использованы неизученные документы из Российского государственного архива древних актов и Отдела хранения документов до 1917 года ГБУ «Центральный государственный архив города Москвы». В РГАДА привлекались материалы фондов 1239 (Дворцовый отдел) и 264 (VI департамент Сената). В ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. были актуализированы документы из фондов 14 (Московские городские Общия и Шестигласная думы), 16 (Управление московского генерал-губернатора) и 45 (Московский губернский магистрат).

Изучение материалов дела о постройке мельницы на речке Синичке в районе Лефортово позволило раскрыть особенности практического применения «Городового Положения» при решении проблем благоустройства Москвы в последней четверти XVIII в. Введение в научный оборот новых архивных материалов дало возможность дать оценку степени эффективности деятельности учреждений и должностных лиц. В дальнейшем с увеличением числа исследований по данной проблематике появится возможность для новых обобщающих трудов о практической реализации «Городового Положения» и его влиянии на процесс благоустройства городов Империи.

Первое заседание Московской городской думы состоялось 15 января 1786 г. [2, с. 325–326]. Из-за противоречий в тексте «Жалованной грамоты», незнания законов и границ собственных полномочий Городская дума в первый год работы почти не принимала окончательных решений по каким бы то ни было вопросам³. В связи с этим особый интерес представляет решение Думой без дозволения губернских властей дело о мельнице капитанши Дарьи Бабарькиной на речке Синичке в слободе Лефортово.

30 июня 1786 г. жена капитана Алексея Иванова сына Бабарькина Дарья Иванова дочь Бабарькина подала в Шестигласную думу прошение о дозволении построить мельницу в городских дачах на речке Синичке рядом со своим двором. Двор ее находился в 19-й части в приходе церкви святых апостолов Петра и Павла в Лефортово (между современными улицами Но-

вая Дорога, Госпитальный Вал и Госпитальная площадь). Капитанша заверяла, что вреда другим мельницам от этого не будет, а собственную мельницу она построить хочет «сколь для своего, столь в пользу общества и для народного удовольствия». Дума обратила внимание на 149-ю статью «Жалованной грамоты», по которой доход от удобных для заведения мельниц мест в городских дачах принадлежит городу. Для выяснения всех обстоятельств дела было решено потребовать от Управы благочиния провести «повальный обыск» (опрос местных жителей). Управа отвечала, что мельницу построить можно, выше по течению реки других мельниц нет, а земля занята дворами, огородами и выгоном, которым мельница никак не повредит. В ответе было сказано, что жители Лефортовской слободы препятствовать в сооружении мельницы не будут, тем более что сами могут воспользоваться накопившейся водой, «а не так, как ныне, и особливо в зимнее время по малости течения имеют в воде недостаток» [3, л. 49–50]. Из Управы был прислан оригинал «повального обыска» с подписями тридцати двух жителей Лефортовской слободы, в том числе одиннадцати благородных и высокоблагородных. Берег речки Синички, на котором капитанша хотела построить мельницу, принадлежал ей и другим жителям Лефортовской слободы, а противоположный берег относился к городским владениям. Затем Бабарыкина подала в Думу другое прошение. В нем она заявляла, что из-за неудобства городского берега хочет построить мельницу на берегу Лефортовской слободы, а к городскому берегу пристроить только одну мельничную плотину.

9 октября 1786 г. вопрос о выдаче разрешения на сооружение мельницы рассматривался на заседании Шестигласной думы. Гласные учли мнение нуждавшихся в воде жителей Лефортовской слободы. На основании 167-й статьи «Городового Положения» и «во уважении, что жители целого селения в продовольствии их водою ныне имеют недостаток», Дума разрешила капитанше Бабарыкиной пристроить одну только мельничную плотину к городскому берегу. Дума в этом случае действовала в интересах капитанши Бабарыкиной и части слобожан, которым нужна была вода. Место, на котором капитанша хотела построить мельницу, состояло в дачах не города, а Лефортовской слободы. Из-за этого никаких доходов в городской бюджет постройка мельницы принести не могла [3, л. 49–50]. Дума выдала просительнице «владенной указ» (документ с правом на владение), а Управа благочиния план [4, № 235, л. 1].

В 1787 г. в Управу благочиния стали поступать жалобы на постройку мельницы на речке Синичке. В числе прочих пришло сообщение из Конторы московского генерального госпиталя. 18 апреля 1787 г. в Госпитальную контору подал рапорт секунд-майор и комиссар Салков. Он опасался, что вода нанесет повреждения Введенскому госпиталю и Госпитальному мосту. Салков доложил о происходящем кригс-комиссару М.С. Потемкину и Г.И. Маложенину, которые приказали не допускать к постройке мельницы. 4 мая 1787 г. частный пристав Белов представил при рапорте поданное от пасторов старой и новой лютеранских и католической церковью объявление с требованием запретить сооружение мельницы, чтобы не произошло подтопления Введенского кладбища и «от оной воды земли от вала и мертвым телам повреждения». Коллежский ассессор Позняков просил Управу благочиния запретить стройку, потому что она представляет опасность для его собственного двора. Позняков купил двор у прежнего владельца Федора Иванова сына Соловьева. Соловьев не возражал против возведения мельницы, и его подпись стояла на «повальном обыске». Управа благочиния передала вопрос на рассмотрение в Шестигласную думу. Дума отказалась вновь разбирать это дело, поскольку 168-я статья «Городового Положения» запрещала ей вмешиваться в судебные дела между жителями города. Капитанше Бабарыкиной объявили, чтобы она «на него, Салкова, просила в том, где и как следует по законам» [5, л. 113–114 об.].

9 июня 1787 г. Дарья Бабарыкина подала прошение в Губернское правление, в котором она жаловалась на противозаконные действия Управы благочиния. Правление приказало Управе через архитектора и губернского механика освидетельствовать место, на котором Дума позволила Бабарыкиной сделать мельницу. Указ Правления разрешал построить ее в том случае, если Введенскому кладбищу, Госпитальному мосту и другим казенным и частным строениям не будет нанесено никакого вреда. Управа доносила, что при соблюдении определенных мер предосторожности повреждений не последует. Архитектор Карин и механик Шульц назначили место для сооружения мельницы с тем условием, чтобы Бабарыкина «против ее дому, тако ж вышеупоминаемого мосту, кладбища и против других казенных и частных мест, в возвышенных по крутости, а равно и при низменных пещаных берегах, плотиную своею для сказанной мельницы воду держала с умеренным возвышением, и чрез посредственное укрепление в тех берегах пещанаго грунта размывать не

допускала, в чем она и подпискою обязана» [4, № 235, л. 2–3 об.].

В октябре 1787 г. начальник московской команды Конторы строения ея императорского величества домов и садов князь Иван Петрович Тюфякин случайно заметил, что возле Лефортовской слободы и Анненгофского сада и его дач начала строиться мельница, о чем его никто заранее не уведомил [6, л. 1]. 22 октября 1787 г. он вошел в присутствие Управы благочиния и предъявил имевшиеся у него межевой и другие планы на землю Екатерининского дворца и садов. Князь заявил, что имеет высочайшее повеление о возобновлении Анненгофского сада (в действительности такого распоряжения отдано не было). В ходе работ течение воды в том месте, где Бабарыкина строит мельницу, прервется, из-за чего содержательница потерпит убыток и лишится дохода. И.П. Тюфякин потребовал записать это в журнале Управы и обещал сделать представление в Губернское правление. Управа приказала частному приставу 19-й части Белову сообщить о словах князя капитанше Бабарыкиной. Пристав Белов доносил, что квартальный надзиратель порутчик Куров сделал объявление содержательнице [6, л. 9–10].

25 октября 1787 г. князь определил послать сообщение в Губернское правление, чтобы были приняты все необходимые меры для предупреждения неудобств от постройки мельницы. Он всерьез опасался подтопления Анненгофского сада и находящегося у речки Синички казенного двора с магазинами. Повышение уровня воды могло повредить проживавшим на земле Анненгофского сада казенным каменщикам и другим слобожанам. И.П. Тюфякин надеялся в будущем получить высочайшее повеление о возобновлении сада. В этом случае мельница помешала бы проведению восстановительных работ. Он предложил Правлению приказать губернским архитектору и механику вместе с состоящим в его команде архитектором коллежским ассесором Христианом Розбергом поставить маяк на границе Анненгофской дачи. Этот маяк должен был предохранять ее от возможного подтопления. Начальник команды сформулировал два условия, которые следовало подписать содержательнице мельницы. Первым условием запрещалось накапливать воду выше маяка. Второе условие обязывало при необходимости снижать уровень воды [6, л. 1–6].

10 ноября 1787 г. князь предписал архитектору московской команды Конторы строения домов и садов Христиану Розбергу вместе с другими должностными лицами произвести замеры и поставить маяк на границе Анненгофской дачи [6, л. 11]. Христиан Розберг с част-

ными приставами 19-й и 20-й частей и архитектором Управы благочиния Кариным прошли все расстояние от мельничной плотины Бабарыкиной до бассейна Анненгофского сада. На границе дач Анненгофского сада был поставлен маяк. У маяка вода не должна была возвышаться более чем на два вершка. Рядом со спуском при плотине запрещалось накапливать ее глубже двух аршин [6, л. 18–19].

9 января 1788 г. Губернское правление констатировало, что Бабарыкина не выполнила взятые на себя ранее обязательства. Непрочность мельницы привела к повреждению берегов и сношению Госпитального моста. Управе благочиния было предписано заставить капитаншу исправить все повреждения, вызванные прорывом мельничной плотины. Правление запретило Управе впредь допускать Бабарыкину до постройки мельницы, потому что она была построена на случайно появившемся протоке, который планировалось заделать для доставления воды в придворный сад [4, № 235, л. 4 об. – 5 об.].

В 1788–1789 гг. дело о мельнице капитанши Бабарыкиной разбирали в Шестом московском департаменте Правительствующего сената. Дарья Бабарыкина подала в Сенат прошение о дозволении починить плотину и амбар и привести в действие мельницу, а причиненные ей убытки с кого надлежит взыскать [7, № 818]. 29 марта 1789 г. сенаторы П.И. Вырубов и князь Г.П. Гагарин отдали Губернскому правлению распоряжение не препятствовать капитанше в возобновлении мельницы. Дарья Бабарыкина должна была соблюдать все те меры предосторожности, на которых настаивал князь Тюфякин, чтобы не повредить Госпитальный мост и другие строения [4, № 235, л. 5 об. – 6].

Разбор дела о мельнице на Синичке в Шестом департаменте Сената дает возможность выявить некоторые общие особенности работы московских сенатских департаментов. Так, сенатор П.И. Вырубов 4 декабря 1788 г. заслушивает четыре дела в полном одиночестве. Его коллеги И.Л. Чернышев, П.В. Хитрово, князь П.М. Волконский, М.П. Ржевский и князь Г.П. Гагарин отсутствовали «за болезнью». Документы свидетельствуют, что П.И. Вырубов сначала вынес решение по жалобе Бабарыкиной самостоятельно: «ПРИКАЗАЛ Московскому губернскому правлению против означенной жалобы...» [7, № 815]. Затем следует полный текст журнальной записи с пересказом прошения капитанши, который завершается аналогичной резолюцией, вынесенной от имени уже нескольких сенаторов: «ПРИКАЗАЛИ Московскому губернскому правлению против означенного прошения...». Это постановление заверено

подписями членов Шестого департамента И.Л. Чернышева, П.И. Вырубова, П.В. Хитрово, П.М. Волконского и М.П. Ржевского [7, № 818]. Даже при беглом просмотре делопроизводственных документов учреждения видно, что собрания Шестого департамента почти всегда проходили в неполном составе. Слова об отсутствии «за болезнью» являлись стандартной формулой и заносились в журналы и протоколы каждого заседания. О беспорядках в Сенате была осведомлена императрица Екатерина II. В последние годы царствования она часто выражала ему свое недовольство. В 1794 г. Сенат получил выговор за то, что в общее собрание московских департаментов явился только один сенатор М.П. Ржевский. В указе по этому поводу было сказано: «Ея Императорское Величество на будущее время примеров такового случая более не надеется» [8, с. 343–344].

В 1792 г. мельница капитанши Бабарыкиной вновь стала объектом пристального внимания со стороны московских властей. 24 апреля 1792 г. Дарья Бабарыкина подала прошение в Управу благочиния о дозволении починить мельницу на речке Синичке, которая была повреждена половодьем 3 апреля. От прорыва мельницы у моста, ведущего на Введенские горы, вырвало восемь свай. У двора коллежского асессора Познякова оборвало землю, и берег обвалился. 26 июля 1792 г. губернатор П.В. Лопухин послал рапорт о мельнице Дарьи Бабарыкиной главнокомандующему А.А. Прозоровскому [9, л. 3–8].

8 августа 1792 г. главнокомандующий вынес резолюцию о невозможности существования мельничной плотины на речке Синичке. А.А. Прозоровский обратил внимание на просьбу коллежского асессора Познякова не позволять капитанше восстанавливать мельницу, поскольку из-за прорыва плотины вырвало часть берега, что создавало опасность для его двора. Главнокомандующий сослался на 238-й пункт 10-й главы «О суде» «Соборного Уложения» 1649 г. В тексте резолюции буквально процитировано последнее предложение 238-го пункта, в соответствии с которым запрещалось возобновлять принесенную к чужому берегу мельничную плотину, если бы об этом были поданы челобитные: «а будет мельницы плотину приведет к чужому берегу и будут на него о том челобитчики и ему велети тое плотину от чужаго берегу отрыти и впредь ему тое плотины к чужому берегу делати не велети» [9, л. 15–16]. Обращение главного начальника Москвы к тексту свода законов середины XVII в. говорит о наличии серьезных пробелов в современном ему законодательстве. В «Соборном Уложении» 1649 г. не было понятия о городе как об отдель-

ном юридическом лице. В 238-м пункте 10-й главы говорилось о мельницах, построенных помещиками или вотчинниками в своих собственных владениях [10, с. 54]. Кроме того, А.А. Прозоровский сделал акцент на принадлежности капитанши Бабарыкиной к дворянскому сословию, что якобы не давало ей права пользоваться мельницей на территории города [9, л. 15–16].

Вину за сложившуюся вокруг мельницы Бабарыкиной ситуацию главный начальник Москвы возложил на Шестигласную думу, Губернское правление и должностных лиц, отводивших место для сооружения мельничной плотины. Главнокомандующий предписал Губернскому правлению дать оценку действиям Шестигласной думы [9, л. 15–16].

Осенью 1792 г. дело о мельнице Бабарыкиной рассматривали члены Шестого департамента Сената. 9 сентября 1792 г. присутствующие заслушали рапорт московского главнокомандующего, при котором была представлена копия с его предложения Губернскому правлению с разъяснением причин невозможности восстановления мельницы. Затем сенаторы ознакомились с двумя прошениями Дарьи Бабарыкиной. В первом прошении капитанша изъявляла желание вновь построить мельницу. При втором прошении было приложено данное ей от соседей свидетельство «по каким причинам показанной мельнице возобновленной быть нужно» [11, л. 22–22 об.]. Из текста первого прошения видно, что капитанша к моменту его написания уже знала о вынесенном по ее делу вердикте главного начальника Москвы. По сведениям содержательницы, А.А. Прозоровский упоминал в предложении к Губернскому правлению, что согласно 149-й статье «Городового Положения» нужно строить мельницы или что-либо другое, которые бы относились к городской собственности, в то время как дворяне ими владеть не должны. Бабарыкина в противовес его мнению ссылалась на 31-ю статью «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» [11, л. 288–290]. В ней сказано: «Буде кто благородный желает пользоваться городовым правом, да повинуется оному» [12, с. 349]. Капитанша подчеркивала, что на основании этой статьи дворяне в Москве мельницы содержат не в одном Лефортове, но и в других слободах на реке Яузе. По мнению Бабарыкиной, реальную угрозу для безопасности Анненгофского сада представляет не ее мельница, а мельница управляющего московскими дворцами и садами князя И.П. Тюфякина [11, л. 288–290].

В итоге сенаторы приказали Губернскому правлению освидетельствовать через надежных

и знающих людей мельницы Бабарыкиной и князя Тюфякина, начертить план окружающей местности, проверить сообщенную капитаншей информацию и на основании законов сделать надлежащее определение [11, л. 22–22 об.].

4 октября 1792 г. Шестой департамент Сената внезапно отменил свою резолюцию от 9 сентября 1792 г. В этот день сенаторы постановили прошения Бабарыкиной вместе с приложениями к ним препроводить не в Губернское правление, а к самому главнокомандующему. Ему поручили рассмотреть предоставленные содержательницей сведения в надлежащем месте и вынести решение на основании законов [11, л. 107–108]. 10 ноября 1792 г. члены присутствия Шестого департамента на основании рапорта А.А. Прозоровского отказали капитанше в ее просьбе о возобновлении мельницы [11, л. 282–298]. Перемена резолюций по делу Бабарыкиной в Шестом департаменте Сената может быть объяснена влиянием на его решения князя А.А. Прозоровского. 91-я статья 4-й главы «Учреждений для управления губерний Всероссийския империи, в коих столицы» 1780 г. давала право главнокомандующим заседать в общем собрании сенатских департаментов и в департаменте, где рассматривались подведомственные им дела [13, с. 237]. Московские генерал-губернаторы (главнокомандующие) традиционно назначались в то же время и сенаторами в Пятый департамент [8, с. 427]. А.А. Прозоровский стал сенатором Пятого департамента в 1790 г. [14, с. 290]. Благодаря его действиям капитанша Бабарыкина осенью 1792 г. была окончательно лишена возможности восстановить мельницу на речке Синичке.

28 января 1796 г. члены Второго департамента гражданских дел Московского губернского магистрата заслушали указ Губернского правления о незаконной выдаче Шестигласной думой «владеного указа» на берег речки Синички под постройку мельницы. Дума обвинялась в нарушении 167-й статьи «Городового Положения», потому что от постройки мельницы последовали одни неудобства: дурной запах от речки мог нанести вред здоровью обывателей, а вода для употребления не годилась. Далее следовал вывод, что «де и силу узаконения Дума превратила в пользу капитанше Бабарыкиной». Никаких взысканий на Думу не наложили, так как все незаконные действия она предпринимала еще до манифеста Екатерины II от 2 сентября 1793 г. Магистрат не мог присудить штраф, поскольку 21-я статья манифеста повелевала «всех до сего числа оказавшихся в неисправлении, или упущении должности, кроме взятков и других умышленных преступлений простить, в ча-

янии, что каждой из них трудом, и ревностью подшится наградить свою неисправность» [15, л. 111–113; 16, с. 456–460]. Губернский магистрат предписал Шестигласной думе впредь поступать в соответствии со своей должностью. Думу предупредили, что в противном случае за вынесение противозаконных определений по 50-й главе «Генерального регламента» будут отчитываться подписывавшие их члены учреждения [15, л. 111–113].

Таким образом, представленный материал показывает, что принятие «Городового Положения» в какой-то степени создавало новые возможности для благоустройства столицы. На основании 167-й статьи закона в первый год работы Шестигласная дума предприняла попытку решить проблемы водоснабжения части жителей района Лефортово. Однако «Городовое Положение» имело и множество недостатков. Как показывает рассмотренное дело, это сказывалось на процессе его реализации. Пробелы и противоречия в «Городовом Положении» приводили к произвольному толкованию отдельных статей закона. Благоустройству в законе уделено мало внимания. Закон не создавал условий для того, чтобы Дума смогла реализовать свои полномочия. Ее компетенция в 167-й статье была обозначена чрезвычайно размыто. Функции по благоустройству еще до принятия «Городового Положения» были перераспределены между другими учреждениями (Губернское правление, Управа благочиния) и разными должностными лицами (главнокомандующий, губернатор, обер-полицмейстер).

Попытка решить проблемы водоснабжения части жителей района Лефортово не сопровождалась созданием нового направления работы по благоустройству столицы. Инициатива в этом вопросе исходила не от самой Думы, а от капитанши Дарьи Бабарыкиной, прошение которой было удовлетворено учреждением. «Городовое Положение» не наделяло Думу контрольными функциями, что не давало ей возможности проследить за последствиями вынесенного решения. Проблема заключается в том, что учреждение, с одной стороны, заявило о необходимости улучшений в благоустройстве, а, с другой стороны, его практические действия в данном случае привели к неблагоприятным для благоустройства последствиям.

Законодатели учли отсутствие у Думы опыта управленческой работы. «Городовым Положением» и рядом других законов был создан механизм, ограничивавший возможности учреждения по вынесению противозаконных решений. В Москве за действиями Думы надзирали Губернское правление, губернатор и главнокомандующий. Высшей контролирующей инстан-

цией был Правительствующий сенат. В первой половине 1790-х гг. в условиях беспорядка в делопроизводстве московских департаментов Сената роль барьера на пути нарушений со стороны Думы и других местных учреждений принадлежала московскому главнокомандующему А.А. Прозоровскому.

Примечания

1. Подробно о Московской городской думе XVIII в. см.: [3, с. 321–473; 17, с. 43–53].
2. Об истории изучения «Жалованной грамоты городам» 1785 г. см.: [18, с. 43–52].
3. В соответствии со сложившейся историографической традицией словосочетания «Жалованная грамота» и «Городовое положение» используются в статье как синонимы. Авторы многих научных и научно-популярных публикаций, говоря о «Городовом Положении», имеют в виду не отдел «А» «Жалованной грамоты на права и выгоды городам Российской империи», а всю «Жалованную грамоту».

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 22. № 16188.
2. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М.: Тип. имп. Моск. ун-та, 1909. 473 с.
3. ГБУ «Центральный государственный архив города Москвы» Отдел хранения документов до

1917 года (далее – ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г.) Ф. 14. Оп. 12. Д. 452.

4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 264. Оп. 6. Д. 56.
5. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 14. Оп. 12. Д. 458.
6. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41534.
7. РГАДА. Ф. 264. Оп. 6. Д. 55.
8. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 2. СПб.: Сенат. тип., 1911.
9. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 1. Д. 405.
10. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. № 1.
11. РГАДА. Ф. 264. Оп. 6. Д. 67.
12. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 22. № 16187.
13. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 20. № 14392.
14. Бантыш-Каменский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал-фельдмаршалы. М.: Эксмо, 2011. 602 с.
15. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 484.
16. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 23. № 17149.
17. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф – АИРО–XXI, 2010. 752 с.
18. Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2001. 294 с.

CITY REGULATIONS OF 1785 AND URBAN IMPROVEMENT OF MOSCOW IN THE LAST QUARTER OF THE 18TH CENTURY (THE CASE OF THE MILL ON THE RIVER SINICHKA)

A.S. Sirotkin

The article shows how the City Regulations of 1785 were put into practice in addressing the problems of city improvement of Moscow in the last quarter of the 18th century. The study is based on the material of the case of the construction of a mill on the river Sinichka in Lefortovo. On the basis of archival documents, one can restore the progress of the case as it was dealt with in different institutions, and the final results. We analyze the application of the articles of the 1785 City Regulations by the participants of the decision-making process. Based on the case materials, actions of institutions and officials are characterized.

Keywords: City Regulations, urban improvement, Six-Voice Duma, Governing Senate, water supply, Governor General of Moscow A.A. Prozorovsky, Lefortovo, Sinichka river.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (dalee – PSZRI). SPb., 1830. T. 22. № 16188.
2. Kizevetter A.A. Gorodovoe polozhenie Ekateriny II. Opyt istoricheskogo kommentariya. M.: Tip. imp. Mosk. un-ta, 1909. 473 s.
3. GBU «Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy» Otdel hraneniya dokumentov do 1917 goda (dalee – GBU «CGA Moskvy» OHD do 1917 g.) F. 14. Op. 12. D. 452.
4. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee – RGADA). F. 264. Op. 6. D. 56.
5. GBU «CGA Moskvy» OHD do 1917 g. F. 14. Op. 12. D. 458.
6. RGADA. F. 1239. Op. 3. D. 41534.
7. RGADA. F. 264. Op. 6. D. 55.
8. Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za dvesti let. 1711–1911 gg. T. 2. SPb.: Senat. tip., 1911.
9. GBU «CGA Moskvy» OHD do 1917 g. F. 16. Op. 1. D. 405.
10. PSZRI. SPb., 1830. T. 1. № 1.
11. RGADA. F. 264. Op. 6. D. 67.
12. PSZRI. SPb., 1830. T. 22. № 16187.
13. PSZRI. SPb., 1830. T. 20. № 14392.
14. Bantysh-Kamenskij D.N. Rossijskie generalissimusy i general-fel'dmarshaly. M.: Ehksmo, 2011. 602 s.
15. GBU «CGA Moskvy» OHD do 1917 g. F. 45. Op. 1. D. 484.
16. PSZRI. SPb., 1830. T. 23. № 17149.
17. Pisar'kova L.F. Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaya дума. M.: Novyj hronograf – АИРО–XXI, 2010. 752 s.

18. Lavrinovich M.B. Reformatorskaya politika Ekateriny II v oblasti gorodovogo zakonodatel'stva (1762–1796): Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2001. 294 s.